

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 130.2

Р.А. Юрьев

ОБЕЩАНИЕ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ СКЕПТИЧЕСКОГО АРГУМЕНТА В ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ДЖ. СЕРЛЯ

Рассматривается попытка разрешения скептического аргумента Д. Юма в рамках социальной онтологии Дж. Серля. Дж. Серль обосновывает выведение ценностных высказываний из дескриптивных с помощью дополнения теории речевых актов теорией сознания. Теория сознания становится основой для конструирования таких понятий, как «статусная функция», «коллективная интенциональность», «институциональный факт». Однако решение скептического аргумента ссылкой на регулярность применения конститутивного правила становится проблемой первичности институционального факта и конститутивного правила.

Ключевые слова: *речевые акты, рациональность, теория действия, «гильотина Юма».*

Представим вполне повседневную ситуацию: кто-либо говорит кому-либо «я обещаю сделать нечто». Ситуация стандартная, и множество подобных ситуаций окружает нас постоянно. Однако философы, обращая внимание на, казалось бы, уже ставшие обыденными вещи, часто поднимают более глубокие и всеохватывающие вопросы: что такое «обещание» само по себе, как связывает «обещание» адресата и адресанта, как можно эксплицитировать эту связь, какова ее онтология, каким условиям должно обещание соответствовать, чтобы быть таковым, каково значение обещания для человеческой коммуникации в целом и многие другие.

Тема «обещания» всегда была наиболее интересна с точки зрения этической и моральной философии. Ведь обещая кому-либо, я налагаю на себя обязательство. Обещание порождает обязательство и может даже показаться каким-то мистическим и таинственным образом. На это обращает внимание еще Давид Юм: «Я утверждаю, *во-первых*, что обещание не имеет естественного смысла, т.е. не существует прежде, чем оно установлено путем соглашения между людьми, и что человек, незнакомый с обществом, никогда не мог бы связать себя какими-либо обязательствами с другим человеком, хотя бы оба могли воспринять путем интуиции мысли друг друга» [1. С. 556].

С точки зрения Д. Юма, обещание – это изобретение человека, в качестве источника которого выступают нужды и интересы общества. Обещание «является санкцией корыстного общения между людьми» [1. С. 561]. Это означает примерно следующее: в каждом человеке присутствует врожденный эгоизм, который в то же время с прагматической точки зрения приводит людей к мысли о том, что необходимы некоторые соглашения, приводящие к большей взаимной выгоде. «Требуется лишь очень неболь-

шое знание жизни, чтобы открыть нам все следствия и выгоды [соблюдения обещаний]. Самый недолговременный опыт общественной жизни открывает их любому смертному, а когда каждый индивид замечает во всех своих сотоварищах такое же чувство этих выгод, он тотчас исполняет свою долю всякой договоренности, будучи уверен, что и они не преминут выполнить свои обязательства» [1. С. 562]. Соблюдение обещаний у Юма становится основой взаимного доверия между людьми. И только потом, в результате *регулярной* практики возникает нравственное чувство, которое гласит, что исполнять обещания необходимо.

Собственно, вышеприведенные рассуждения Д. Юма вполне соответствуют формулировке его знаменитого «принципа», или «гильотины Юма». Другое дело, что эта знаменитая формулировка была воспринята последующей философией как невозможность выведения «нормативных» (ценностных) утверждений из «дескриптивных» (описательных). Хотя шотландский философ и преследует немного иные цели, отвергая теологические и рационалистические этические теории, существовавшие в то время. Эти теории утверждали, что существуют изначально нравственные, присущие человеку добродетели, которые реализуются в обществе¹. Д. Юм же утверждает, что изначально человеку присущи лишь аффекты и желания, которые тем не менее с течением времени приводят к тому, что для полного их удовлетворения *права, собственность и обязательство* являются все же лучшим решением.

Итак, обещание имеет конвенциональную природу, продиктованную ображениями общественной пользы, и не имеет некоего естественно-рационального источника. В ином случае понятие справедливости было бы бессмысленным, поскольку в природе человека тогда бы срабатывали механизмы некоего изначально справедливого поведения и, таким образом, не было бы никакой необходимости в нравственных понятиях. Иными словами, нравственность – это следствие изначально несовершенства человеческой природы. Д. Юм по этому поводу пишет: «Во-вторых, если бы оно (обещание. – Ю.Р.) и содержало в себе какой-нибудь акт нашего духа, оно не могло бы *естественным образом* создать обязательства. Это вполне очевидно из предшествующего рассуждения. Обещание создает новое обязательство; новое обязательство предполагает возникновение новых чувствований; воля никогда не создает новых чувствований; следовательно, из обещания не могло бы естественно возникнуть обязательство, даже если предположить, что наш дух мог бы дойти до такого абсурда, чтобы захотеть подобного обязательства» [1. С. 558].

¹ «Теории всех, кто утверждает, что добродетель есть не что иное, как согласие с разумом, что существуют вечные соответствия и несоответствия вещей, одинаковые для всякого созерцающего их существа, что неизменные мерил должного и недолжного налагают обязательство не только на человечество, но даже на само Божество, сходятся в том, что нравственность, как и истина, распознается лишь через посредство идей, через посредство их сопоставления и сравнения». См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. М.: Мысль, 1996. С. 498.

Поэтому феномен нравственности представляет собой то, что «есть» (is), обладающее высокой степенью регулярности (права, собственность и обязательства по большей части соблюдаются, чем не соблюдаются), и никоим образом не может представлять собой то, что «должно быть» (ought). Иначе говоря, мы имеем перед собой незавершенную полноту феноменов, которая, строго говоря, не позволяет нам делать абсолютные обобщения, и наблюдаемые нами нравственные и справедливые поступки – это те поступки, что соблюдаются по привычке. В этом смысле теория нравственности Д. Юма вполне согласуется с его общей эпистемологической скептической установкой.

Точка зрения на то, что наши понятия о социальной жизни по своей сути конвенциональны, не является чем-то крайне оригинальным в истории философии. Подобные рассуждения можно встретить еще у древнегреческих софистов. Вопрос в другом: могут ли искусственные конвенции каким-то образом обеспечить стабильность общества как такового? Может ли регулярность, к примеру, двух случаев вести к регулярности последующих? Скептический ответ предусматривает в этой ситуации лишь допущение *возможности* этого и, более того, допускает фиктивный характер не только сферы должного, но и практики в сфере сущего. «Чтобы помочь нашему воображению составить представление о передаче собственности, мы берем действительный предмет и фактически, – пишет Д. Юм, – отдаем его во владение тому лицу, которому желаем уступить право собственности на этот предмет. Воображаемое сходство обоих действий и наличие видимого вручения обманывают наш дух и заставляют его воображать, что он представляет себе таинственный переход права собственности. А что такое объяснение дела правильно, вытекает из следующего: люди изобрели *символический акт ввода во владение*, удовлетворяющий их воображение в тех случаях, где реальное [овладение] неприменимо» [1. С. 555].

Вышеназванная фиктивность, в том числе феноменального, ведет к тому, что мы ничего не можем знать наверняка, поскольку регулярность, например, такого феномена социальной жизни, как обещание и следующее за ним обязательство, мы можем редуцировать к набору фонетической последовательности: /ai+hɪrbaɪ+prəmɪs+təpeɪ+ju+smiθ+faɪv+dələz/¹.

Что же нам, в таком случае, мешает редуцировать саму фонетическую последовательность, например, к колебаниям звука, и, иначе говоря, каким образом мы из мира физических фактов можем получить мир фактов нравственных, социальных, культурных и т.д.?

Попытку ответить на этот вопрос и тем самым преодолеть скептический аргумент предпринимает современный философ аналитического направления Джон Серль. Чтобы это продемонстрировать, необходимо обратиться к таким его работам, как «Как вывести “должное” из “сущего”», «Речевые акты: эссе по философии языка», «Свобода и нейробиология. Размышления о свободе воли, языке и политической власти».

¹ Пример транскрипции, приводимой Дж. Серлом (“I hereby promise to pay you, Smith, five dollars”). См.: *Searle J.R. Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language.* Alden Press, Oxford, 1969. P. 177.

Дж. Серль в своей работе «Свобода и нейробиология. Размышления о свободе воли, языке и политической власти» [2], в частности в главе «Социальная онтология и политическая власть», пытается резюмировать свои взгляды таким образом, чтобы показать, что учение о речевых актах, или теория речевых актов, дополненная теорией сознания, может быть рассмотрена как базис для построения онтологии социального мира. Его занимает вопрос о том, как возможно согласовать наше представление о сознательных агентах, разумных, политических агентах, живущих в мире, состоящем из неразумной материи. Стоит заметить, что в аналитической философии теория речевых актов Дж. Л. Остина и теория аскриптивных высказываний Г.Л.А. Харта не дают ответ на вопрос об источнике или субъекте, наделяющем речевую ситуацию параметрами правильности/неправильности, удачности/неудачности¹. Поэтому Дж. Серля интересует и экстралингвистические компоненты речевой ситуации.

Для начала Дж. Серль предлагает различить две основные черты реальности. Первая – это независимая от наблюдателя и его интенциональности реальность (сила, масса, химическая связь, гравитация и т.д.), вторая – зависимая от него и его интенциональности (деньги, собственность, брак, язык и т.д.). Теория речевых актов претерпевает в творчестве Дж. Серля определенную эволюцию, связанную с необходимостью введения понятия сознания, для объяснения контекста речевой ситуации. С точки зрения Дж. Серля, ни одна социальная теория не будет плодотворной, если мы не введем в нее понятие «сознания». Сознание у Дж. Серля – это отдельная проблема исследования, и, не вдаваясь в подробности обширных дискуссий в философии сознания в англо-американской традиции, примем как факт то, что сознание у него обладает свойством «индивидуальной» и «коллективной интенциональности». Сознание, для нас в данном случае неважно, какую оно имеет природу – материальную или идеальную, необходимо для объяснения того факта, что в ситуации речевого акта задействованы не только лица, но и часто задействованы предметы окружающего нас мира. И эти предметы каким-то (пока для нас непостижимым) образом являются частью контекста, в котором осуществляются речевые акты².

Далее, необходимо провести различие между онтологической субъективностью (состояния боли, аффекта и т.д.) и онтологической объективностью (существование планет, молекул и т.д.), с одной стороны, и различие между эпистемологической субъективностью («Ван Гог лучший живописец, чем Мане») и эпистемологической объективностью, с другой («Ван Гог родился в Голландии»). Таким образом, эпистемологическая объективность и субъективность относятся к свойствам утверждений, а онтологическая объективность и субъективность – к свойствам реальности. Онтологическая объективность в принципе не зависит от субъективного опыта.

¹ См.: *Оглезнев В.В.* Дж. Л. Остин и Г.Л.А. Харт о совершении действий при помощи слов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2 (18). С. 147–153.

² *Searle J.R.* How to Derive «Ought» from «Is». *Philosophical Review*. Vol. 73, No. 1 (Jan. 1964); *Searle J.R.* *Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language*. Alden Press, Oxford. 1969. В этих ранних работах Дж. Серль говорит об институтах, при этом никаким образом не указывая источник их происхождения. Развитие его концепции в более полном виде начинается с 70–80-х гг. XX века в рамках дискуссий в аналитической философии сознания.

Чтобы показать, каким образом эти различия согласуются с миром социального, Дж. Серль вводит еще одно понятие, а именно, понятие «коллективной интенциональности», которую он определяет как нечто, необходимое для создания «социального факта», и которая существует там, где два или более агента разделяют намерения, верования, цели и убеждения. Социальный факт, в свою очередь, – это «любой факт, включающий коллективную интенциональность двух или более человеческих или животных агентов» [2. Р. 85]. Благодаря особой способности, что есть у человека, он может наделять физические объекты различными смыслами. Физические объекты начинают обладать особым статусом, не сводимым к их физической структуре, а статус позволяет выполнять определенные функции, которые Дж. Серль называет «статусными» (status functions).

Статусные функции позволяют перейти от грубого факта к институциональному, путем введения конститутивного правила «Х считать как Y в С»: «Такая-то и такая-то персона, которая удовлетворяет определенным условиям, считается президентом, такой-то и такой-то тип объектов считается деньгами в нашем обществе, а наиболее важное, мы должны увидеть, что такая-то и такая-то последовательность звуков и знаков считается предложением и даже считается речевым актом в нашем языке <...> Институциональные факты конституированы существованием статусных функций» [2. Р. 89]. Конститутивные правила – это такие правила, которые задают возможности нового поведения. «Очевидный пример – это правила шахмат. Шахматные правила не только регулируют игру в шахматы, но, скорее, игра в шахматы конституируется действием в соответствии с определенным использованием правил <...> Такое-то и такое-то движение коня считается правильным в шахматах, такая-то и такая-то позиция считается матом, такая-то и такая-то персона, которая удовлетворяет определенным характеристикам, считается Президентом Соединенных Штатов и так далее» [2. Р. 88]. В тот момент, когда коллективная интенциональность принимает вещи как наделенные определенным статусом и соответствующей этому статусу функцией, то возникает институциональный факт.

И здесь Дж. Серль обращает внимание на парадокс, который имеет значение для рассматриваемого нами вопроса. Это парадокс возникновения конститутивного правила. «Как могут конститутивные правила, лежащие в основе институциональных фактов, существовать без некоторого института, состоящего из конститутивных правил и внутри которого мы можем создавать конститутивные правила?» [2. Р. 90]. По мнению американского философа, этот парадокс имеет сходство с парадоксом ситуации обещания. Для соблюдения обещаний необходима ситуация первичного обещания соблюдать сами обещания. Также и конститутивные правила: они лежат в основе всякого института, но в то же время они могут существовать без некоторого института, состоящего из конститутивных правил. Дж. Серль отвечает на этот вопрос таким образом, что у людей есть способность наделять объекты статусными функциями, и даже в той ситуации если существует какое-либо племя, которое подчиняется вождю или лидеру, даже не имея соответствующего понятия, при постоянном регулярном повторении этой практики. «Когда практика наложения статусной функции становится регулярной и утвер-

жденной, тогда она становится конститутивным правилом <...>. Таким образом, решение нашей начальной загадки состоит в том, чтобы допустить, что упорядоченная практика может стать конститутивным правилом, но не всегда должно быть конститутивное правило, чтобы статусная функция была наложена в самых простых видах случаев» [2. Р. 92]. В более сложных случаях мы можем представить, что кусок бумаги является банкнотой, репрезентируя X-термин определенным образом, что возможно, когда у людей существует определенный языковой и символический аппарат для этого. И этот аппарат уникален для людей¹.

Поэтому наличие такой фонетической последовательности, как ai+hirbai+gramis+təpeɪ+yu+smiθ+faiv+dalərz, будет вполне уместно читаться и пониматься как «I hereby promise to pay you, Smith, five dollars». В своих ранних работах (в статье «Как вывести “сущее” из “должного”», «Речевые акты: эссе по философии языка») Дж. Серль настаивает на том, что «должное» может быть выведено из «сущего» по той причине, что внутри систем конститутивных правил это оказывается возможным, потому что различие между ценностными и дескриптивными суждениями покоится на определенной («эмпирической», по выражению Дж. Серля) картине мира. Эта картина мира всегда учитывает «значение» утверждения, но не учитывает его иллюкутивную силу и контекст, в котором оно произносится. Знаменитая шутка президента США Рональда Рейгана: «Мои соотечественники американцы, я рад сообщить вам сегодня, что подписал указ об объявлении России вне закона на вечные времена. Бомбардировка начнётся через пять минут» может понята лишь в особом контексте. Рональд Рейган обладал определенной статусной функцией, будучи президентом США – здесь также работает формула конститутивного правила «X считать как Y в C», а потому и выглядела неудачной. Если лицо (объект) не обладает статусной функцией, то, соответственно, и его утверждения (функции) не обладают иллюкутивной силой аналогично примеру Дж. Л. Остина: «Я нарекаю судно именем *Королева Елизавета*» или «Я назначаю», не имея на это никаких полномочий [3]. «Утверждения, содержащие такие слова, как “женился”, “обещает”, “хоум-ран” и “пять долларов”, излагают факты, чье существование предполагает, – пишет Дж. Серль, – определенные институты: человек обладает пятью долларами, произведенными институтом денег. Устраните институт, и все, что он имеет, – это прямоугольный клочок бумаги с зелеными чернилами на нем. Человек выбивает “хоум-ран”, если существует институт бейсбола, без него он только бьет по шару палкой. Также человек вступает в брак или дает обещание при наличии этих институтов. Без них он просто произносит слова и делает телодвижения. Мы в силах охарактеризовать такие факты, как институциональные, в противоположность неинституциональным или грубым фактам: этот человек обладает кусочком бумаги с зелеными чернилами – это грубый факт, а институциональным является то, что у него есть пять долларов» [4. Р. 54–55].

¹ См.: Andersen Ø. Concepts, facts and language - An introduction to some aspects of Searle's theory of institutional facts. Workshop on TKE'99 Terminology and Knowledge Engineering. Fifth International Congress on Terminology and Knowledge Engineering. International Congress on Terminology and Knowledge Engineering. Vienna, 1999. Mode of access: http://www.oivinandersen.com/?page_id=6.

Вернемся теперь к аргументу Д. Юма. Итак, различие между дескриптивными и ценностными утверждениями, согласно Дж. Серлю, является мнимым. Из дескриптивного утверждения «Джонс произнес слова “Я обещаю заплатить тебе, Смит, пять долларов”» вполне может быть выведено утверждение «Джонс должен заплатить Смиту пять долларов». Однако преодолевается ли здесь скептическая позиция Д. Юма? Вспомним, что нравственность у шотландского философа генетически вырастает из регулярности определенных действий, поскольку иначе объяснить то, что из обещания вырастает обязательство, придется априорными предпосылками, ссылаясь на «особый акт духа». Ситуация обещания представляет собой парадокс тогда, когда мы пытаемся объяснить генезис обязательства из обещания. Дж. Серль предпринимает попытку разрешения этого парадокса, вводя понятие конститутивного правила, которое задает параметры успешности утверждения или действия (например, обещания), но и вынужден ссылаться на *регулярность* применения конститутивного правила. Чем отличаются примеры Д. Юма и Дж. Серля в иллюстрации некоего изначального состояния общественной жизни? В обоих случаях мы наблюдаем, что феномен соблюдения обещания и феномен лидерства требуют наложения статусных функций в случае успешности. Но у Дж. Серля можно увидеть, что выведение «сущего» из «должного» вполне возможно в рамках теории институциональных фактов, поскольку она учитывает такой аспект значения, как его употребление в определенном контексте. Однако решение скептического аргумента представляется скорее видимостью, чем реальностью. Ведь на самом деле, мы благодаря своему символическому и лингвистическому аппарату можем схватывать «должное» на уровне регулярной практики, но никак не на уровне «долженствования» как такового. Тем самым ситуация обещания как была, так и остается принципиально открытой ситуацией, как и мир институциональных фактов в целом, а выведение «должного» из «сущего» пока остается неразрешимой проблемой.

Литература

1. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. М.: Мысль, 1996.
2. Searle J.R. Freedom and Neurobiology. Reflections on Free Will, Language and Political Power. New York: Columbia University Press, 2007.
3. Austin J.L. How To Do Things With Words. Oxford University Press, 1962.
4. Searle J.R. How to Derive “Ought” from “Is”. Philosophical Review. Vol. 73, № 1 (Jan. 1964)

Yuriev Roman A. Kuzbass Institute of FPS of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation)
PROMISE, INSTITUTIONAL REALITY AND POSSIBILITY OF OVERCOMING OF SKEPTICAL ARGUMENT IN JOHN SEARL'S SOCIAL ONTOLOGY

Keywords: speech acts, social ontology, constitutive rule, theory of action, "Hume's Guillotine"

The article views the solution of the Hume's skeptical argument within framework of J. Searl's social ontology. The main sources for consideration of this problem are J. Searle's works: "Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language", "How to Derive "Ought" from "Is", "Freedom and Neurobiology. Reflections on Free Will, Language and Political Power". The J. Searl's theory of speech acts becomes a basis for creation of social ontology. Addition of the theory of speech acts with the consciousness theory allows J. Searle to approach a solution by means of introduction the concept of "constitutive rule". Constitutive rules give a capability to establish the status functions for the situa-

tions, objects and individuals. But problem of the origin of the constitutive rule remains unsolved. Thus according to J. Searle from the descriptive statements we can derive the evaluative statements in the frame of the institutional facts, but we cannot come to idea of obligation. Regularity of using of the constitutive rules seems to be the weak argument.

References

1. Hume D. *Traktat o chelovecheskoy prirode, ili Popytka primenit' osnovanny na opyte metod razsuzhdeniya k moral'nyim predmetam* [A Treatise of Human Nature, or attempt to use experiential method of reasoning to moral subjects]. Translated from English. Moscow: Mysl' Publ., 1996.
2. Searle J.R. *Freedom and Neurobiology. Reflections on Free Will, Language and Political Power*. New York: Columbia University Press, 2007.
3. Austin J.L. *How To Do Things With Words*. Oxford University Press, 1962.
4. Searle J.R. How to Derive "Ought" from "Is". *Philosophical Review*, 1964, vol. 73, no. 1.